

Сергей Николаевич Белкин –
главный редактор альманаха и портала
«Развитие и экономика»

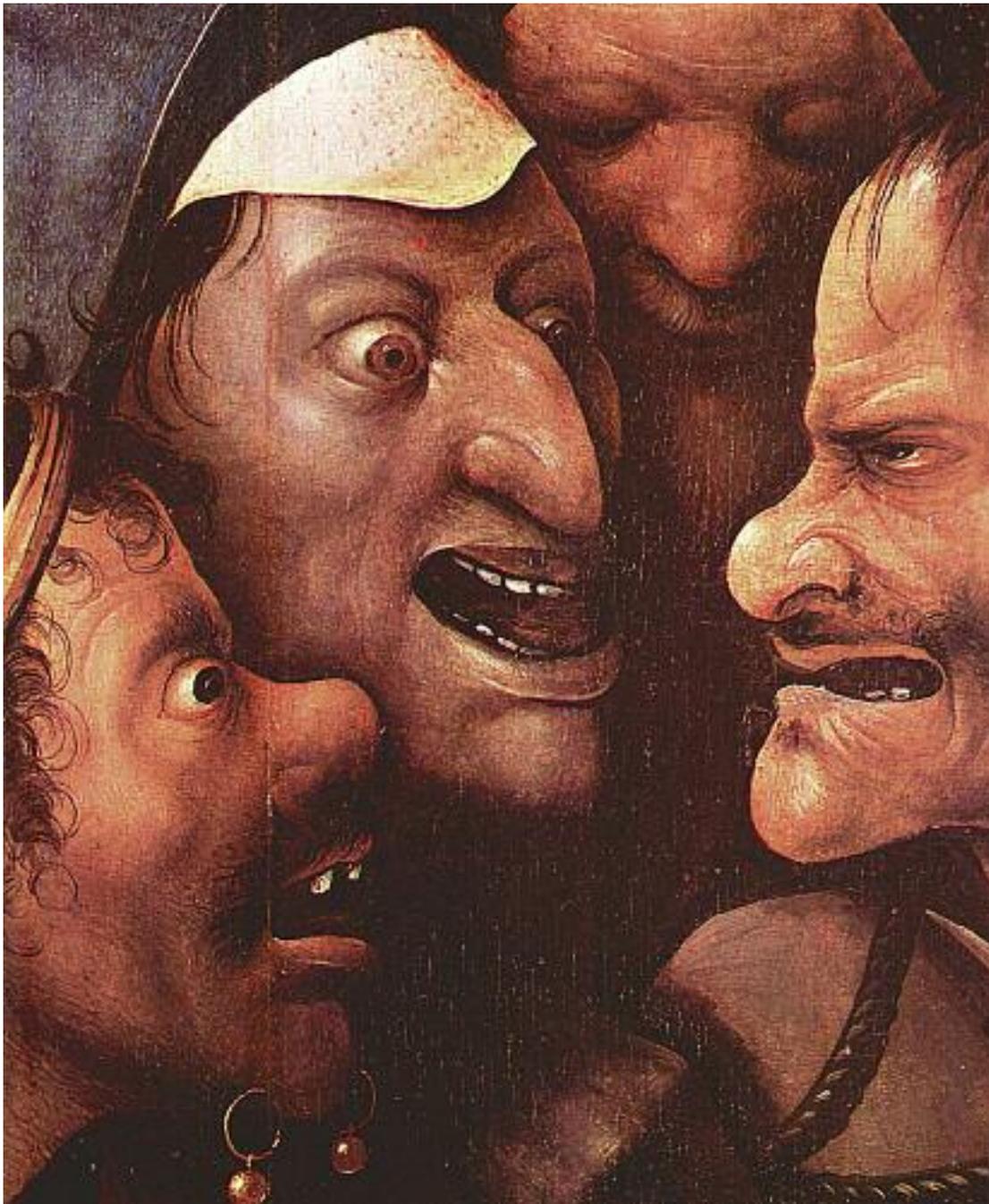
Канцерогенная культура

Если бы раковые клетки могли разговаривать... Мы, думаю, не услышали бы от них сомнений в том, что они правильно действуют. Они бы искренне радовались тому, как они хорошо размножаются, как эффективно осваивают всё новые и новые пространства. Они бы точно знали, что развитие – это *их* развитие. А всё остальное вокруг них – среда и ресурсы. И даже если бы им кто-то сказал, что они губят некий якобы существующий целостный организм, что со смертью этого организма погибнут и они, – они бы только усмехнулись и ответили безупречным «все умрем».

Современное пространство культуры не обладает теми средствами точной диагностики, какие имеются в медицине. Нет способа взять биопсию культуры и отправить образец на анализ на предмет злокачественности. Нет критериев, которые можно формализовать, перевести на язык права. А если они появляются, то только на основе той или иной идеологической матрицы. Но даже это – идеология как источник кри-

терия доброкачественности культуры – не такая уж большая беда по сравнению с практикой применения таких подходов. Идеология может быть прекрасной, а в процессе ее применения конкретными людьми возникают «трактовки»: эта музыка нам нужна, эта – вредна, это искусство «соответствует», а то – нет и т.д. «Трактовки» исходят от конкретных людей и опираются на их опыт, их личные цели, вкусы, зависимости, мораль... Апелляция к идеологии принимает условный характер – сродни ритуальным заклинаниям, – а реальная практика живет своей жизнью. И тогда при любом общественном строе возникают такие направления в культуре, которые подтачивают не только идеологию, которой они то ли соответствуют, то ли противоречат, но и саму жизнь народа. Тот самый его культурный код, который время от времени может нести в себе ту или иную идеологию, но по сути своей он есть явление более фундаментальное, более долгоживущее, нежели идеологии.

В искусстве следует отчетливо различать произведение искусства и то

Иероним Босх. Иисус Христос, несущий крест. Фрагмент

влияние, которое оно оказывает. Между произведением и его потребителями — объектами культурного воздействия — имеется чрезвычайно важная прослойка посредников. Именно они сегодня могут любой текст превратить в книгу, которую «все читают» и о которой «все говорят». Больше всего эти посредники любят повторять высказывание: «Талант всегда пробьет себе дорогу», — точно зная, что это не так. Это посредники — и только они — могут «пробить дорогу» как таланту, так и бездарии. Для них — посредников — на-

стало самое счастливое время в истории. Два важнейших фактора определяют это. Первый — экспоненциальный рост информации и ее доступность. Второй — мощь, влияние, изощренность рекламы и эффективность всех видов СМИ.

Голос талантливой девочки из какой-нибудь Шуи, пишущей стихи «не хуже Цветаевой», не будет услышан никем, кроме ее семьи и подруг, если не сработает сложная цепь взаимодействий между ней, ее окружением, доброжелательными знатоками, издателями,

меценатами или фондами государственной поддержки. Цепочка сокращается, если девочку сразу «введут в контур», покажут по телевизору, о ней скажут доброжелательные слова какие-то телеведущие дяди и тети... Та же участь у талантливого мальчика-живописца из какого-нибудь Ельца, юной скрипачки из Брянска... Да, есть, слава богу, фестивали, конкурсы, фонды поддержки — на этом, собственно, всё пока и держится. Но и этим выявленным талантам еще предстоит преодолеть линию «заградотря-

Иероним Босх. Сад земных наслаждений. Фрагмент

дов», сформированных из посредников.

А у посредников имеются собственные критерии пользы. Чаще всего они экономические: изделие должно быть успешным на рынке, посредник хочет на нем заработать. Иногда критерии проистекают из личных или корпоративных пристрастий посредника: этнических, религиозных, идеологических или физиологических.

Для меня, например, ясны те направления современной культуры (не хочется называть их современным искусством), которые я считаю канцерогенными.

Есть, например, то, что называют «актуальным» или «концептуальным искусством». В нем существуют небольшое, но шумное сообщество считающих себя «творцами» и совсем небольшой, но очень влиятельный слой посредников, продвигающих и поддерживающих весь этот процесс. Это, пожалуй, наиболее интересная модель формирования

социальных паразитов как устойчивой и разрушительной прослойки общества. Это большой «шаг вперед» по сравнению с теми невинными временами, когда можно было «раскрутить» плохого художника, бездарного писателя или музыканта-недоучку. Технология продвижения «актуально-концептуального искусства» не предполагает, что их быдло-творцы что-то напишут, нарисуют, сочинят или сыграют. Они должны «просто быть» и не иметь никаких зачатков стыда или совести. Этого достаточно, никакие навыки не требуются. Достаточно публичных физиологических отправлений — и ты художник по имени Олег Кулик. Успех может быть развит и закреплен облаиванием приглашенных журналюг — стоя голым на четвереньках. Но успеха не будет нигде, кроме милиции, — хоть обгадь все публичные места — если не найдется влиятельный маратгельман (это не имя и фамилия, а некий обобщенный

звук), который оплатит соответствующие «мнения» в СМИ. Условному маратгельману это может быть: а) выгодно — он будет возить Кулика по собачьим выставкам, собирать призы и медали; б) приятно (см. медицинскую литературу по психопатологиям); в) необходимо из идейных побуждений. Последнее возможно, если имеется задача разложения культуры в «этой стране» с целью ее диссоциации в глобальном растворе стран и народов.

Один молодой человек прибил гениталии гвоздями к Красной площади — теперь он тоже известный художник. Другая — девушка по имени Мило Мойре из Швейцарии — научилась запикивать во влагище куриные яйца в удивительном количестве и с помощью мышечных сокращений выдавливать их из себя, стоя на гимнастических брусьях. Какой-то французский маратгельман сообразил, что этот номер не просто пошлятина для цирка идиотов, а прорыв в

Иероним Босх. Сад земных наслаждений. Фрагмент

современном искусстве: под брусью подстелили холст, и следы от разбившихся яиц продаются как картины. И еще. В этом виде мошенничества под названиями «актуальное искусство», «концептуальное искусство» и т.п. важно приговаривать некие слова — как это делают цыганские гадалки. В случае с Мило Мойре процесс назван муками творчества: показаны-де «родовые муки» появления произведений искусства.

Эффективность втюхивания людям ненужных вещей, ненужных услуг, вредного образа жизни и привычек, мастерство внедрения пороков под видом естественных явлений — всё это достигло сейчас невиданной силы. Идеальный рынок потребления — это такой рынок, участники которого утратили критерии полезности, критерии качества и послушно следуют за рекламой,

за указаниями тех самых посредников.

Если бы единственным результатом этого было просто перераспределение средств — как это происходит, например, на рынке мыла или зубных щеток, — это было бы всего лишь перекосом. Рынок потребления в сфере культуры чреват трагическими последствиями для существования народа. Разрушение культурного, ценностного ядра — а вследствие потребления канцерогенных продуктов массовой культуры происходит именно это — приводит к исчезновению критериев развития и признаков деградации, а потому исчезает и сам народ. Когда один известный политический деятель прошлого в разговоре с соратницей-активисткой делился своими мыслями о средствах пропаганды, он сказал, что «в условиях всеобщей неграмотности важ-

нейшими из искусств для нас являются кино и цирк». Политик имел в виду политическую — агитационную и воспитательную — работу среди населения, стремление распространить и привить народу определенные ценности, вовлечь массы в целенаправленный политический процесс. «Средство» действительно оказалось мощным. Кино способно воздействовать на сознание весьма эффективно и быстро: за час экранного времени можно сформировать убеждения, можно посеять сомнения, можно повести за собой или — наоборот — убедить ни во что не вмешиваться. «Мир грез», на который подсади, как наркоманы, миллионы зрителей во всем мире, оказался не только мощным пропагандистским инструментом, не только источником наслаждений, но и средством заработка для тех,

Иероним Босх. Искушение святого Антония. Фрагмент

которые его делают и показывают. В странах, элита которых не утратила чувство ответственности за собственное будущее, понимают триединство функций кинематографа и, зарабатывая на кино деньги, не позволяют средствами кино убивать собственный народ. Думается, что российские «деятели кино» тоже об этом не забыли – во всяком случае, наиболее влиятельная их часть. Только, думая о будущем страны, они очень хотят заменить этот народ на совсем другой. Некоторые из них хотели бы возродить нечто вроде дореволюционной барской благодати, но уже с Интернетом и «мерседесами». Другие были бы не против выстроить тут двухэтажное общество: сверху они – «элита», снизу – «простые люди», «быдло» в количестве, достаточном для добычи нефти и газа. Кинематограф способен из наследников двух великих империй формировать именно такое «быдло», лишенное исторической гордости за собственную историю и

свою культуру. Именно гордости, а не просто памяти! «Память», то есть выборочную историю об ужасах и мерзостях, царивших в «этой стране» во все времена, им подготовят. Но эта «память» и эта история не дадут никаких поводов для гордости.

Эту свою разрушительную функцию современное кино выполняет с максимальным напряжением, успешно прикрываясь стремлением «просто заработать», сентенциями о том, что «кино – это производство, и оно должно быть прибыльным», что это – «просто шоу-бизнес» и т.д.

«Шоу-бизнес» столь же разрушителен и опасен, как и кино. Если не больше, потому что кино – предметно. Гораздо легче разьяснить его пагубность и лживость, нежели понять разрушительную силу пошлой эстрады. «Попса» опасна и своей беспрецедентной доступностью: кино-то надо еще снять, это действительно сложный процесс, требующий участия многих профессионалов. «Попса» не требует по-

чти никаких умений, если у тебя «есть контакт» с главным посредником. Главные посредники – это руководители трех-четырех телевизионных каналов. Если продюсер (это не фамилия) «проекта» по продвижению какой-нибудь «певицы Фёдор» может договориться с Первым каналом о ее показе в вечернем шоу – всё! Деньги будут! «Певвица Фёдор» уметь петь не должна, музыку сочинять не надо, слова тоже – сами по ходу придут. «Всё уже написано до нас» – вот девиз продюсеров-попсовиков. Главное – двигаться, приседать, вспрыгивать, показывать труссы... Исполнители не *могут* быть безликими и бездарными, они *должны* быть именно такими, чтобы их, как запчасти, можно было в любой момент заменить на других: «певицу Фёдора» – на «певца Татьяну», волосы на лобке – на бороду, задницу – на харю... «Пипл схавает»? – Еще как! Быдлопипл давно подготовлен, растет второе поколение. Принято говорить, что русская культура литературоцент-

Бронзино (Аньоло ди Козимо). Портрет Нано Морганте

рична. Этим хотят подчеркнуть, что русская литература играла роль социальной философии, обладала исключительным политическим, идеологическим, нравственным влиянием на общество. Так было в XIX веке с его гениями — от Пушкина до Толстого, ставшего «зеркалом русской революции», так было в XX веке, когда роль литературы, функции писателей были осознаны как политический ресурс власти. А что сегодня? Осознает ли нынешняя власть литературу как политический ресурс? Или же она поняла, что «сколько волка ни корми»... Поняла, что нигде так хорошо не развиваются ненависть к стране и раковые клетки культуры, как в перedelкинском инкубаторе? Не знаю ответа. Встречи Путина с «писателями» вызвали чувство недоумения —

как вследствие состава приглашенных, так и из-за затронутых вопросов. Как бы то ни было, нынешняя верховная власть не умеет, не знает, как ей воспользоваться этим могучим ресурсом культуры и политики — писателями, литературным процессом. Сами по себе писатели мощно разругались в первые годы перестройки, покрыли друг друга несмываемым вечным позором, а потом постепенно обнищали — и материально, и духовно, частично повымирали. Писательские союзы не знают — зачем они существуют, и власть — тоже не знает. «Литературный процесс» превратился в бессмысленное словосочетание — вроде «кручения пеньки» или «валяния валенок»: ясно, в общем, что имеется в виду, но этого уже давно нет в реальной жизни. Из-

дательский процесс, однако, есть и чувствует себя превосходно. Потому что это сфера коммерции — и ничего более. Текст — это товар, только товар и ничего кроме товара! Технологии производства этого изделия («литературы») просты, обладают очень низкой себестоимостью (гонорары пишущих коммерческие тексты невелики). Технологии продажи этих изделий отработаны, понятны, практически лишены рисков. Продать можно любую стопку бумаги с буквами, склеенную в виде книги. И гарантированно получить прибыль, если технологии продажи не нарушены. Нет разницы, что продавать: зубные щетки, средство от комаров или книжки. Всё это было бы почти невинной частью массовой культуры, если бы она именно та-

Иероним Босх. Поклонение волхвов. Фрагмент

кой и осознавалась обществом. К сожалению, коммерческий поток «книжек» убил возможный ручеек литературы — той, которая «властитель дум» и зеркало «чего-нибудь». И некому во властных структурах печалиться по этому по-

воду. Потому что у власти — у всей власти в стране, в том числе и власти духовной, власти над культурой, — стоят коммерсанты, спекулянты, называющие себя экономистами. Или те, которые от них всецело зависят.

А народ читать хочет — хоть и не так, как раньше, а так, как теперь. Как жуют жвачку, как пьют «энергетические напитки», жрут чипсы, как меняют вполне исправный телефон на новый, потому что он — новый... Вот и видишь на облож-

Иероним Босх. Сад земных наслаждений. Фрагмент

ках книг в руках читающих в метро таинственные имена, придуманные маркетологами, что-то вроде этого: Олег Пой, Сидор Ешь, Дора Шмок...

Но самой страшной и разрушительной канцерогенной культурой является «культура новостей». Это социально-политическое явление рассматривают обычно по ведомству политики, идеологии, пропаганды. Так оно и есть. Но место, которое «новости» занимают в культуре вообще, — огромно! Именно они — ежедневные и ежечасные новости, приходящие к нам через теле- и радиоканалы, — составляют основное содержание того, о чем мы думаем, говорим, на что реагируем всем своим эмоциональным аппаратом. Новости — главная часть культурной жизни!

Политологи и работники СМИ отлично знают, что такое «темник», какова его роль и откуда он берется. «Темник» — это темы новостей. Составители «темников» правят ми-

ром. Можно сказать иначе: те, которые правят миром, составляют «темники».

Новости нужны вовсе не для того, чтобы вы узнали что-то важное. Новости нужны для того, чтобы считали важным то что нужно. Новости — это важнейшая часть мировой массовой культуры. Одна из функций массовой культуры — быть средством коммуникации, обмениваться одинаково понимаемыми сигналами. Все те, которые смотрят *CNN*, или «Вести», или «Евроньюс», — получают соответствующий набор тем, их оценок, фигур речи для их описания.

Еще минуту назад вы не подозревали о существовании этих людей, а сейчас вы можете с коллегой по работе обсудить, почему Соня бросила Моню и ушла к Лёве. Вы не знали и никогда не узнаете, что такое «индекс Доу-Джонса», но в вас уже вселили смутную тревогу из-за того, что этот индекс «упал», и вы будете ждать,

когда же он вновь «поднимется». Мы ежедневно перенасыщены сообщениями о катастрофах, о несчастьях, о трагедиях. Тревога, неизвестность, непонимание происходящего — вот состояние, в котором мы должны в основном пребывать. Мы должны быть рады самой дешевой шутке, любой пошлости, лишь бы хоть ненадолго снять напряжение. Мы будем с надеждой голосовать за того, кто будет эффективно нам втюхан.

Нас поедает канцерогенная культура, превращая людей в чмокающую, жующую, завидующую, боящуюся суспензию. Канцерогенная культура обидляет, опускает в самый «низ» человеческого существа, она закрывает возможность всякого роста и развития.

Если бы раковые клетки могли разговаривать... А вот деятели канцерогенной культуры — говорят и действуют. Сможем ли мы встать у них на пути?

Хотим ли?